

О МЕХАНИЗМАХ ПЕРЕНОСА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Предметом нашего анализа является эпитет, или шире — определение объекта/лица, явления вообще в художественном тексте.

Ученые (А.Н.Веселовский, И.Р.Гальперин, В.М.Жирмунский и др.) подчеркивают тот факт, что эпитет привносит в характеристику предмета новый признак, но не задаются вопросом о том, как понимать само выражение “новый признак”, в какой ситуации он может быть таковым [Ахманова 1969, Веселовский 1989 и другие].

Следует согласиться с авторами “Словаря эпитетов” в том, что “законченной и общепринятой теории эпитета пока не существует” [Горбачевич, Хабло 1979:3]. К этому же выводу приходит И.Б.Голуб, сетующая на то, что “до сих пор наука не располагает разработанной теорией эпитета, нет единой терминологии, необходимой для характеристики различных видов эпитетов” [Голуб 1997: 139]. Автором статьи эпитет понимается как признаковое/атрибутивное (в широком понимании) слово (словосочетание), “концептуально и эстетически определяющее предмет, формирующее его художественный образ, обладающее эмоционально-оценочной коннотацией, стилистически значимое и отмеченное, стоящее в синтаксической функции определения или обстоятельства” [Глушкова 2000]. Эпитет рассматривается в сфере комплементарной семантики как атрибут, образное сравнение имени, не просто характеризующие объект с какой-либо стороны, а выражающие его свойства, пропущенные сквозь эмоциональное, стилистическое видение субъекта. В эпитете субъект эксплицируется как творческая сингулярность, моделирующая окружающий мир, оценивающая актуальные свойства дискретных объектов этого мира.

Механизмы порождения эпитета разнообразны: различные типы переноса (метафора, метонимия), структурное расширение определения (фразовый эпитет), словообразовательные механизмы (сложение слов и основ), препорционное или постпорционное употребление эпитета. В статье представлены такие способы конструирования эпитетов, которые подчиняются когнитивной логике эксплицирования эпифразы (комплекса эпитета и определяемого субстантива), а именно, экспликации в атрибутиве фреймового типа переноса.

Особенно интересным такой анализ представляется при рассмотрении особенностей идиолекта конкретного автора. В нашем случае материалом для анализа является творчество М.И.Цветаевой.

Метонимический и метафорический способы образования эпитета являются ведущими для идиостиля многих художников слова, в том числе и для творчества рассматриваемого нами автора (*юные глаза* – глаза юного человека / глаза, отличающиеся качеством “юный”; *одинокий сон* – сон одинокого человека / качество сна и т.д.). Остановимся подробнее на метонимии признака, которая является прямым репрезентантом фреймового типа переноса.

В науке метонимия признака получила различные наименования: метонимия признака [Некрасова 1978], смещенное определение [Долинин 1978], контекстуальная метонимия [Бирих 1987], динамическая метонимия [Чхеидзе 1992], дискурсивная метонимия [Раевская 1999, Сандакова 2004], отражённая метонимия [Сандакова 2002]. Все приведённые выше определения характеризуют одно явление с разных сторон: в аспекте категориально-грамматического значения лексемы (метонимия признака), в аспекте переноса, его значимого присутствия (смещённое определение), а также в контексте статики / динамики значения или присутствия лексемы в тексте того или иного типа (художественном или контексте как таковом).

Наиболее перспективным, на наш взгляд, является анализ адъективной метонимии в дискурсивном ракурсе, где дискурс понимается как текст в широком смысле.

М.В.Сандакова утверждает, рассматривая различия между обычным и дискурсивным прилагательным, что если лексическая метонимия существует в языке в готовом виде и не является живым процессом, то дискурсивная метонимия прилагательного создается в процессе креативной деятельности говорящего. Это метонимия в действии, рождающаяся и существующая только в дискурсе. Дискурсивная метонимия нерегулярна, это единичное, уникальное явление.

Нам представляется актуальным анализ такого рода метонимических смещений с когнитивных позиций. Фреймовые разновидности метонимии отражают переносы, которые можно свести к моделям “целое – часть”, “предмет – его функция” и др., характерным прежде всего для существительных с собственно предметным значением. Приведу примеры переноса имени предмета по модели “часть – целое”: *Он у нас голова!* (об умном человеке); *В семье пять ртов* (о людях как едоках); *Этот человек будет нашими глазами и ушами* (о человеке-наблюдателе). По этой же логике могут переноситься и эпитеты. Обратимся к фреймовой разновидности эпитета, возьмём для этого имя концепта “глаза”. Е.В.Урысон отмечает основные сферы, в которых доминирует этот концепт в наивной картине мира, – это внешний вид человека (глаза) и действие (взгляд, взор). Взгляд может отражать чувства, желания, настроение субъекта (Урысон 1998). Описываемые ею общеязыковые факты (*грустный взгляд, отчаянный взгляд, печальные глаза*) не совсем совпадают с адъективами, репрезентирующими свойства имени данного концепта в идиостиле М.И.Цветаевой.

В нашем материале представлены не только лексемы *глаза, взор, взгляд*, но и другие существительные, относящиеся к сфере зрительного восприятия (*ресницы, зрачок, веки*). Необычные, окказиональные эпитеты представляют собой результат переноса прилагательного с нарушением типовой сочетаемости; исходя из предложенной нами логики описания такого рода эпитетов, можно прийти к выводу о том, что они вписываются в общую парадигму переноса признака человека на проявление человеческой сущности. Данная тенденция переноса не сдерживается ничем и придаёт тексту особую экспрессию. Приведём примеры.

Глаза: *Ему в задумчивые глазки // Взглянула ...* [1:24];¹ *Памятливыми глазами // Впилась – народ замер* [1: 226]; *У мамы сегодня печальные глазки* [1: 103]; *Глазами, не зная желаящими...* [2: 225].

Ресницы: *Скрытные твои ресницы* [3:192]; *На завитке ресниц // Невинных и наглых* [1:319]; *И на ревнивые твои ресницы умиляясь...* [1:320].

Зрачок: *Все видит, все знает твой мудрый зрачок* [1:70].

Слезы: *Кровавые распри и страстные слезы* [3:428].

Веки: *Всей жаркостью век виновных* [2:103].

Взгляд: *И синий взгляд, пронзителен и робок* [1:313]; *Юный ли взгляд мой тяжёл?* [1:252]; *Не тот же бесстрастный, оценивающий, любопытствующий взгляд* [4:62]; *Льнущий, мнущий взгляд* [3:39]; *Взор твой черней, взор твой зоркий* [3:344].

Как показал анализ, большая часть эпитетов, зафиксированных в контексте указанных имен существительных, представляют собой результат переноса эпитета с отсутствующего в контексте имени *человек* на концепт/имя концепта *глаза* (шире – на сферу зрительного восприятия).

Наиболее частотны в контексте названных существительных следующие эпитеты: *печальный, грустный* (48); *задумчивый* (36); *юный* (21). Преобладание эпитетов *печальный, грустный* свидетельствует о том, что для поэта важно эмоциональное состояние субъекта; в лексемах, воплощающих концепт *глаза*, актуализируется значение “*глаза – зеркало души*”. Не менее важной характеристикой субъекта является и мыслительная, сопряженная с внутренними переживаниями и потому не выступающая в чистом виде (*задумчивый*). Сема наивности, чистоты вербализируется в определении *юный*.

Экспансия определения с названия человека на название смежных реалий (т.е. в данном случае на *глаза, ресницы, веки, слезы, взор*) в поэзии М.Цветаевой реализуется тотально, массово в сравнении с обычной нехудожественной речью. Это объясняется необычайной свободой в переносе признаков, отсутствием скован-

¹ Первая цифра обозначает номер тома полного собрания сочинений М.И.Цветаевой, вторая – номер страницы.

ности нормами сочетаемости определений с определяемым словом. К примеру, выражение *памятливые глаза* явно окказионально, но вполне закономерно в рамках описываемой нами тенденции. Поэту важно увидеть в глазах любимого человека прошлое; с другой стороны, возможна интерпретация данного выражения и как *глаза, способные многое помнить*. Таким образом, выражение вызывает целый шлейф ассоциаций и возможных толкований.

Заметим, что в данных контекстах перед нами предстали переносы определения с отсутствующего в тексте обозначения — определяемого слова (во всех случаях подразумевается человек, с которым тесно связаны все вышеназванные определения, обозначения черт характера, эмоционального состояния и т.д.). Причём отметим, что перед нами не просто метонимическая модель “признак” (о предмете) — “характеризующийся данным признаком предмета” (о человеке), что является общеязыковым фактом: *белокурые волосы — белокурый человек* [Сандакова 1999], но отражение *тотального* когнитивного механизма переноса, имеющего фреймовую природу, что приводит к окказиональным выражениям, которые вписываются в его логику.

Набор определений при именах всех микроконцептов, воплощающих концепт *глаза* (глаза, взгляд, ресницы и др.), однотипен, что говорит о единой тенденции переноса определения — процесса наделения основными, ключевыми качествами человека не только слова *глаза*, но и название частей данного объекта, его проявлений, продуктов деятельности (слезы).

Функция таких переносов состоит не просто в передаче значения (глаза грустные — человек грустный), но и в экспрессии, в подчеркивании необычности качества, места его “локализации”.

Итак, степень регулярности употребления эпитетов, образованных по метонимической логике, чрезвычайно высока в пространстве идиолекта М.И.Цветаевой. Фрагментарный показ употребления прилагательных, относящихся к концепту “глаза”, убеждает в том, что регулярным вектором переноса определения выступает перенос с целого на части и с предмета на его свойства, который имеет фреймовую природу.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
3. Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н.Есина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000.
4. Горбачевич К., Хабло Б. Словарь эпитетов русского литературного языка. М., 1979.
5. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
6. Мерзлякова А.Х. Типология адъективной метафоры. М., 2002.
7. Некрасова Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. М., 1978. С.111-132.
8. Одинцова М.П. Языковые образы “внутреннего человека” // Язык. Человек. Картина мира. Омск, 2000. С. 12-21.
9. Раевская О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. 1999. Т.58. №2. С.3-12.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов М.: Астрель, АСТ, 2001. С.616-617
11. Сандакова М.В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного//Филологические науки. 2004. №3. С.106-112.
12. Сандакова М.В. Об одной метонимической модели прилагательных, характеризующих лицо // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти В.И.Чернова. Киров, 1999. С. 45-50.
13. Сандакова М.В. Об отражённой метонимии прилагательного // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе. Ч.1. Самара: Изд-во СамГПУ, Самарский университет, 2002. С.85-91.
14. Тарыгина В.А. Эпитет и жанр. М.: Прометей, 2000.
15. Урысон Е.В. Языковая картина мира: обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. №2. С.3-22.
16. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-5.